

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 13 септѣбря 1881
1 септѣбря

Отдѣльные нумера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ **H. GEORG, Genève, rue de la Corraterie** и тамъ же принимается подписка, не болѣе какъ на 4 нумера, съ доставкою на домъ во все города Европы и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ; цѣна за 4 нумера съ доставкою 2 франка. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: *rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.*

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Нашъ взглядъ на революцію и на задачу публицистики. — 2) На какихъ условіяхъ возможно единеніе съ поляками? — 3) Историческая Польша и великорусская демократія, гл. IV, *М. Драгоманова*. — 4) Наши дипломаты (письмо бывшего дипломата къ редактору). — 5) Письма о рабочемъ движеніи, гл. III: *Роль нѣмецкой социалной демократіи въ 70-хъ годахъ и французскаго социалистическаго движенія теперь. Успѣхи этого движенія, на сколько они проявились въ послѣднихъ выборахъ. Призывъ къ реорганизации рабочей партіи во Франціи*. — 6) Извѣстія и замѣтки: правильствѣнная коммиссія по вопросу объ уменьшеніи пылства въ народѣ; намѣренія бернскаго правительства на счетъ предстоящаго конгресса социалистовъ; смертность дѣтей и юношей въ селахъ и городахъ Россійской Имперіи; предметъ бесѣды г-на Гирса съ кн. Бисмаркомъ въ Данцигѣ; новый номеръ «Народной Воли»; выдача русскому правительству двухъ лицъ, укрывшихся отъ преслѣдованія полиціи на австрійской территоріи. — 7) Угроза Федеральному Совѣту. — 8) Поправка. — 9) Почему Барановъ — въ Архангельскѣ? — 10) Письмо къ редактору г-на *Дескура* и русскій переводъ этого письма.

Женева, 13 септѣбря.

Насъ не удивила помѣщенная въ „Новомъ Времени“ перепечатка изъ бернской газеты „*Bund*“, которая объясняетъ появленіе въ свѣтъ „Вольнаго Слова“ тѣмъ, что „нѣсколько писателей, не сочувствующихъ ни реакціи, ни революціи, не смотря на свое высокое общественное положеніе и связи свои съ лицами, стоящими у кормила правленія въ Россіи, признаютъ невозможнымъ, при нынѣшнихъ условіяхъ русской печати, заниматься публицистическою дѣятельностью въ своемъ отечествѣ“. Тоже самое читали мы и въ „*Wiener Allgemeine Zeitung*“ и въ „*Temps*“, и во многихъ другихъ французскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ, гдѣ, также

какъ и въ „Новомъ Времени“, къ вышеприведеннымъ словамъ, взятымъ въ кавычки, прибавлялось, что слова эти заимствованы изъ программы, опубликованной, будто бы, редакціей „Вольнаго Слова“. Насъ не удивило, что „Новое Время“ приняло на вѣру ходячій слухъ, распушенный какимъ то досужимъ репортеромъ, не удивило потому, что именно „при нынѣшнихъ условіяхъ русской печати“ газета издающаяся въ Россіи не могла на мѣстѣ провѣрить достовѣрность подобнаго слуха. Мы говоримъ *на мѣстѣ*, такъ какъ при *иныхъ условіяхъ* редакція „Новаго Времени“ могла бы въ самомъ Петербургѣ удостовѣриться, что дошедшее до нея изъ Берна извѣстіе лишено всякаго основанія: стоило только прочесть любой изъ 5-ти вышедшихъ уже нумеровъ „Вольнаго Слова“. Редакция увидѣла бы тогда, что во всемъ разглашествованіи объ общественномъ положеніи и связяхъ съ кормиломъ правленія нашихъ сотрудниковъ нѣтъ ни единого слова правды, а главное, что ни о чемъ подобномъ никогда не заявляла наша газета и даже вовсе не объявляла своей программы. Не читали „Вольнаго Слова“ и „Петербургскія Вѣдомости“, отвѣчающія на замѣчанія „Новаго Времени“ по поводу цѣлы изданія недавно появившейся въ Женевѣ еженедѣльной газеты на русскомъ языкѣ; оно не дошло вѣроятно и до редакцій другихъ издающихся въ Россіи газетъ, которымъ мы однако своевременно послали все вышедшіе нумера. Значитъ „китайскія стѣны“ между русскимъ и западно-европейскими государствами, стѣны, въ существованіе которыхъ не вѣрятъ „Петербургскія Вѣдомости“, стѣны воздвигнутыя отъ нашествія съ запада *освободительныхъ* идей, выражаемыхъ въ *вольномъ словѣ*, — такія стѣны дѣйствительно сущест-

вуютъ и воздвигаются, если не вполнѣ открыто, то и не совсѣмъ тайно, и во всякомъ случаѣ весьма ощутительно для всей грамотной Россіи.

Мы нашли приличнымъ основать органъ вольнаго слова по ту сторону китайскихъ стѣнъ нашего отечества въ увѣренности, что желающіе вступить съ нами въ обмѣнъ идей и стремленій къ народному освобожденію найдутъ способъ обойти препятствія, создаваемые полицейскою предусмотрительностью и беззащитностью почтоваго вѣдомства; мы не обманулись въ своей надеждѣ; но уже одно существованіе такихъ препятствій для органовъ печати, издающихся въ Россіи, служитъ достаточнымъ объясненіемъ, почему мы издаемъ газету за границей.

Что касается до программы нашего изданія, то мы нашли излишнимъ ее формулировать по слѣдующимъ основаніямъ:

1. Мы не предлагаемъ правительству, какъ это дѣлаютъ наши собратья въ Россіи, вопросовъ на разрѣшеніе, потому, что очень хорошо знаемъ, что наши жизненные вопросы не могутъ быть разрѣшены въ правительственныхъ канцеляріяхъ и усиліями чиновничества, хотя бы и при содѣйствіи свѣдущихъ людей. Чиновничество естественно станетъ заботиться лишь о томъ, что ему выгодно; свѣдущіе люди могутъ разсуждать лишь о томъ, что имъ извѣстно; но эти чиновничьи заботы и разсужденія свѣдущихъ людей могутъ оказаться одинаково далекими и отъ дѣйствительныхъ нуждъ и отъ дѣйствительныхъ желаній большинства разноплеменнаго населенія Россіи, если бы каждой національности и каждой мѣстности предоставлено было свободно высказаться.

2. Мы не намѣрены слѣдовать примѣру тѣхъ публицистовъ, которые, счи-

тая себя солью земли, обращаются къ обществу съ поученіями и требуютъ, чтобы все преклонялось передъ создаваемыми ими идеалами или раздѣляли ихъ взгляды на явленія дѣйствительной жизни.

Коль скоро же мы отказываемся отъ посредничества между стремящимся къ самодѣятельности обществомъ и бюрократическимъ правительствомъ, за совершенною негодностію такого примирительнаго дѣйствія между сторонами, стоящими въ естественномъ антагонизмѣ одна къ другой; коль скоро мы считаемъ недостойнымъ задачи публициста становиться указчикомъ въ жизни различныхъ группъ населенія, не зависимо отъ какихъ бы то ни было теорій вырабатывающихъ свои идеалы обществѣ и стремящихся къ достиженію жизненныхъ цѣлей, — то намъ нечего и выступать съ *своею* политическою или соціальною программою.

Общество, вступившее въ борьбу, — а русское общество уже давно и повсемѣстно находится въ состояніи открытой борьбы съ чиновничествомъ, — очевидно не нуждается въ примирителяхъ. Эти примирители ему противны; вѣдѣтіе чего все статскіе и надворные совѣтники русской публицистики, упражняющіеся въ хожденіи по начальству, никакъ не признаются за выразителей общественнаго мнѣнія; указчики и просвѣтителѣ также не пользуются вниманіемъ обыкновенныхъ смертныхъ и съ ними возится одна только чиновная среда, глядя ихъ то по головкѣ, то противъ шерсти, смотря потому, насколько *проводимы или въ общество* идеи и понятія соотвѣтствуютъ *цѣлямъ правительства*. Нѣкоторые до того заработались за *проведеніемъ идей* въ общество, что настоящее назначеніе публициста совершенно затмилось въ ихъ глазахъ. „Новое Время“, напр., выражаетъ сомнѣніе, чтобы мы могли принести много пользы родицѣ, „взявшись просвѣщать ее изъ прекраснаго далека“. А мы вовсе и не брались за роль просвѣтителей. Взялись просвѣщать родину московскіе пророки просвѣщаютъ ее петербургскіе оффиціозны и намѣренъ просвѣщать кн. Мещерскій подѣ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ и при обязательной для крестьянъ подпискѣ на *правительственную народную газету*. Намъ не подѣ силу такое соперничество, тѣмъ болѣе, что вопреки увѣренію бернского корреспондента „Новаго Времени“, мы не имѣемъ никакихъ сношеній „съ лицами, стоящими у кормила правленія въ Россіи“. Мы оставили отечество и поселились на

свободной землѣ не съ цѣлью „просвѣщать“, родину „изъ прекраснаго далека“, а въ намѣреніи *служить* ей *хоть бы* издали, потому что служеніе *вольнымъ словомъ* на родинѣ, въ силу нѣтъ дѣйствующихъ законовъ Россійской Имперіи, не только подвергаетъ ответственности по Уложенію о наказаніяхъ и административному запрещенію вольнаго слова, но нерѣдко сопровождается, вопреки закону, высылкою административнымъ порядкомъ. Мы согласны не уклоняться отъ ответственности передъ закономъ, но мириться съ административнымъ произволомъ мы не можемъ по совѣсти и, если хотите, по долгу нашего служенія родинѣ. „Просвѣщать родину“ съ дозволенія начальства и *служить* родинѣ — двѣ вещи различныя по послѣдствіямъ и еще болѣе различныя по существу.

Намъ остается устранить еще одно недоразумѣніе, невольно распространяемое „Новымъ Временемъ“ и возбужденное безосновательнымъ поводомъ репортерами „Bund'a“ и другихъ иностранныхъ газетъ. О насъ пишутъ, что мы „одинаково далеки, какъ отъ реакціи, такъ и отъ революціи“. Мы этого не заявляли, но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о реакціи (въ чемъ, надѣемся, никому не придетъ въ голову насъ заподозрить), мы готовы высказать свой взглядъ на революцію.

По нашему мнѣнію революціи нельзя *сдѣлать*. Народное возстаніе, имѣющее цѣлью низвергнуть существующій порядокъ вещей въ цѣломъ или въ частности вызывается такимъ стеченіемъ обстоятельствъ, при которомъ не предвидится иного выхода изъ стѣснительнаго положенія. При малѣйшей возможности достигнуть разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ мирнымъ путемъ, массы не двигаются и терпятъ совершаемыя надъ ними насилія, откуда *могутъ* терпѣть. Предположеніе, будто бы народныя движенія вызываются подстрекательствами такъ называемыхъ „неблагонамѣренныхъ людей“, не находитъ себѣ оправданія въ исторіи. Последняя, равно какъ и современный намъ опытъ, даже весьма недавній (какъ напр. движеніе противъ евреевъ на югѣ Россіи и въ Пруссіи), доказываютъ совершенно противоположное, а именно, что такъ называемые вожаки движенія не увлекаютъ за собою массы, а увлекаются ими. Антисемитическая лига въ Пруссіи и великорусскіе рабочіе въ Кіевѣ не могли бы произвести открытаго нападенія на евреевъ, если бы еще раньше еврейская эксплуатація не довела мѣстное населеніе до крайней степени воз-

бужденнаго состоянія. Въ дѣлѣ народнаго возстанія вожаку можетъ принадлежать *последнее* слово, но никогда не *первое*, а потому исповѣданіе революціи, какъ религіи, стремленіе революціонировать массы, тогда какъ послѣдніе сами по себѣ не выходятъ изъ состоянія покоя, — не можетъ составлять программы нашего изданія, къ тому же подобное стремленіе стояло бы въ противорѣчіи съ готовностію *служить* родинѣ, а не управлять ею.

Не выходя изъ строго демократическаго принципа быть за одно съ народомъ и уважать *народную* волю, мы не можемъ поощрять революціонныя предпріятія — разобщенныя съ массовыми движеніями или для возбужденія къ возстанію прибѣгающія къ обману народа. Еще менѣе сочувствуемъ мы такимъ протестамъ революціоннаго характера, которые возбуждаютъ къ себѣ отвращеніе огромнаго большинства населенія или не рассчитаны на активную поддержку со стороны массъ. Увлеченіе такими протестами пагубно не только для лицъ, героически приносящихъ себя въ жертву; оно пагубно для дѣла народнаго освобожденія: во первыхъ, потому, что отвлекаетъ энергическихъ людей отъ настоящей необходимой въ переживаемую нами эпоху работы — организаціи народныхъ силъ; во вторыхъ, потому, что даетъ правительству поводъ къ вмѣшательству во все виды общественной самодѣятельности и къ подчиненію послѣдней мѣрамъ безопасности, получающимъ такимъ образомъ первенствующее значеніе въ ходѣ государственной жизни.

При *дѣланіи* революціи путемъ заговоровъ, *изолированными* отъ народа и общественной жизни тайными обществами, о мѣрахъ безопасности начинаетъ думать не одно только правительство.

Общество, какъ живое и непрерывно дѣйствующее цѣлое, придаетъ фактамъ болѣе значенія чѣмъ идеямъ, поставлено въ необходимость считаться съ послѣдствіями, а не причинами, которыя для него имѣютъ не жизненный, а лишь историческій интересъ. Поэтому *поводы* къ полицейскимъ стѣсненіямъ свободы личности, слова, собраній и всего того, что ведетъ къ формированію и развитію общественной самодѣятельности, озабочиваютъ его гораздо болѣе тѣхъ освободительныхъ идей, которыя вдохновили исключительное меньшинство на протесты, повсемѣстно вызвавшіе давленіе полицейской власти. Не причины, породившія протесты, а форма протестовъ, выдвинувшая вопросы безо-

пасности на первый планъ, стала злобою для современного русскаго общества. Къ счастью, оно еще не пошло въ полицію, какъ того желали и даже требовали московскіе ораторы и апологеты самодержавія; но несомнѣнно однако, что народъ не изъявляетъ готовности идти на помощь протестующимъ не въ той формѣ, въ какой складывается народное движеніе, и не въ томъ направленіи, какое указывается совокупностію нуждъ населенія.

Мы считаемъ, какъ это мы и заявили въ передовой статьѣ перваго нумера нашего изданія, что успѣхъ общаго дѣла освобожденія зависить отъ степени сознанія нами силы въ самихъ себѣ, „отъ дружнаго, повсемѣстнаго и одновременнаго заявленія той неотступной въ своихъ требованіяхъ воли, которая зовется именемъ воли народа и какъ таковая пользуется неотразимостію судьбы и непреложностію слова истины.“

Мы основали свободный отъ цензурно-полицейскихъ тисковъ органъ печати съ цѣлью способствовать выраженію этой совокупной воли и не откажемся служить общему дѣлу освобожденія, каковы бы ни были пути и способы дѣйствія, избранные для доведенія его до конца народами, населяющими Россійскую Имперію.

Такова цѣль изданія въ Женевѣ газеты „Вольное Слово“.

Познакомьте съ нею вашихъ читателей, гг. издатели газетъ, выходящихъ въ Россіи.

Съ особеннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ мы ниже, въ подлинникѣ и въ рускомъ переводѣ, письмо поляка-патріота, уроженца Царства Польскаго. Уважаемый авторъ письма отъ своего имени и отъ имени своихъ друзей протягиваетъ руку русскимъ людямъ, стремящимся водворить въ нашемъ *общемъ отечествѣ* правовой порядокъ на мѣсто царствующаго въ немъ по настоящее время произвола и справедливо замѣчаетъ, что достиженіе желаемого во многомъ будетъ облегчено, если и поляки помогутъ. Мы ничего такъ не желаемъ какъ дружнаго отпора деспотизму совокупными усиліями всѣхъ братскихъ народовъ, населяющихъ Россійскую Имперію, и мы, а вмѣстѣ съ нами и братья наши—украинцы, великоруссы и бѣлоруссы,—всѣ, кому дорога свобода личности, совѣсти и національности, могутъ отвѣтить только дружескимъ поздравленіемъ, безъ задней мысли, отъ сердца протянутой рукѣ собрата-поляка. Но будемъ помнить, что союзъ народовъ, населяющихъ великую равнину Восточной Европы, союзъ не принудительный какъ нынѣ, а добровольный, каковымъ онъ дол-

женъ быть, не есть союзъ только *двухъ* племенъ — великорусскаго и польскаго. Такой союзъ былъ бы не только громадною политическою ошибкою, которая еще болѣе усложнила бы существующія недоразумѣнія относительно племенъ бѣлорусскаго и малорусскаго, но былъ бы физически невозможенъ, безъ приобщенія къ нему бѣлоруссовъ, — такъ какъ эти послѣдніе служатъ территоріальнымъ, а потому и естественнымъ звеномъ между Польшей и Великою Россіей, — и политически безсилны въ разобщеніи съ малорусскимъ племенемъ, исторически предназначеннымъ быть носителемъ демократическаго принципа — равенства и братства — и исторически же поставленнымъ на стражѣ у входа въ великую восточную равнину съ юго-запада (черезъ Карпаты) и съ юга (со стороны Чернаго моря).

Въ государствѣ, обнимающемъ собою всю великую восточно-европейскую равнину, внутренній миръ, а слѣдовательно внутренняя крѣпость и сила внѣшняя зиждутся на братскомъ единеніи четырехъ неречисленныхъ нами славянскихъ племенъ. Всѣ они безспорно члены одной и той же семьи, — славянской, дѣти одной родины, — великой восточно-европейской равнины, но безспорно также, что каждое изъ нихъ уже вышло изъ младенческаго состоянія, достигло до высшаго сознанія своей личности, — до сознанія своей національности и принадлежащихъ ей правъ, а потому не можетъ сносить долѣе ни отчаго деспотизма централизованной государственной власти, ни главенства старшаго брата, который самъ не хозяинъ у себя дома и не можетъ имъ стать, покуда братья не могутъ.

Старый деспотическій принципъ — господства *одной* національности въ разнплеменномъ государствѣ — уже на нашихъ глазахъ уступилъ мѣсто дуализму (въ Австро-Венгріи) и далъ возможность правового существованія двумъ національностямъ съ полицейскимъ подчиненіемъ всѣхъ остальныхъ въ томъ же государствѣ. Но, очевидно, правовой порядокъ не можетъ остановиться на этой зародышевой ступени своего развитія и полулиберальный, полудеспотическій дуализмъ долженъ будетъ уступить мѣсто *свободной федераціи* всѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ одного государства.

Поэтому относительно *нашей общей* съ поляками *родины* мы не можемъ остановиться на нерешитѣ, предлагаемомъ г-мъ Дескурромъ. тѣмъ болѣе, что такая остановка повела бы, какъ мы уже сказали, еще къ большому осложненію недоразумѣній, существующихъ по отношенію къ бѣлоруссамъ и украинцамъ, не говоря уже о неславянскихъ окраинахъ Имперіи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

IV

По всему видно, что Герценъ не имѣлъ специальныхъ свѣдѣній объ исторіи и этно-

графіи „западныхъ провинцій“ Россіи и даже врядъ ли читалъ труды напр. Костомарова. Запасъ фактическихъ свѣдѣній его по этому предмету не превосходилъ того, какой имѣлъ средній столичный русскій литераторъ того времени, т. е. былъ очень не великъ. Но за то Герценъ имѣлъ превосходное политическое образованіе и, кромѣ того, громадный и въ высшей степени чуткій къ реальнымъ чертамъ политическихъ явленій умъ, — и большой запасъ наблюденій надъ политическою жизнью разныхъ народовъ современной ему эпохи. Это же все, вмѣстѣ взятое, давало ему возможность въ спокойное время вѣрно угадывать основныя черты польскаго вопроса въ Россіи, — правду и фальшь стремленій польскихъ „историческихъ“ патріотовъ всѣхъ отбѣнковъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Теперь въ особенности, послѣ изданія его „Посмертныхъ статей“, видно, что идейная солидарность Герцена съ польскими патріотами была въ сущности очень не велика. Кромѣ сильныхъ теоретическихъ разногласій и критическаго отношенія Герцена къ основамъ польскихъ „историческихъ“ стремленій, основамъ, которыя польскіе патріоты принимали, какъ догматъ вѣры, солидарности этой мѣшала сильная примѣсь специально великорусскаго національнаго элемента къ идеямъ этого по видимому крайняго западника. При всемъ своемъ западничествѣ и полуиностранномъ происхожденіи, Герценъ живо чувствовалъ свою кровную связь съ великорусскимъ племенемъ, къ которому (а вовсе не къ одному только правительству) накопилось слишкомъ много антипатій у средняго польскаго дѣятеля *). Кромѣ того Герценъ имѣлъ и общенациональную философскую доктрину, которая мало гармонировала съ стремленіями польскихъ патріотовъ, потому что и подъ нею была подложена специфическая великорусская основа. При всемъ своемъ вольтеріанствѣ и сенсимонизмѣ, Герценъ былъ собственно московскій славянофилъ, или лучше великоруссофилъ, — который стремился къ вольтеріанству, и социализму придать великороссійскія основы, особенно съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецъ Гакстгаузенъ открылъ великороссійскую общину. По своей историко-философской подготовкѣ Герценъ, — какъ и Константинъ Аксаковъ, и ихъ другіе московскіе товарищи, былъ гегеліанецъ. По ученію же Гегеля все развитіе человечества идетъ ступенями, но при томъ такъ, что каждая ступень воплощается въ одну извѣстную націю. По Гегелю, послѣдняя ступень развитія представляется германцами, — (преимущественно пруссаками), — при чемъ дальнѣйшей смѣны господствующей націи не предполагалось, — такъ что самъ Герценъ смѣялся, что, по гегеліанцамъ, богъ живетъ въ Берлинѣ. Но московскіе гегеліанцы только перенесли этого бога отъ германцевъ къ славянамъ, а между ними, конечно, къ великоруссамъ, — при чемъ социалисты, какъ Герценъ, соединили ученіе о грядущей смѣнѣ германскаго періода

* См. Сборникъ Посмертныхъ статей, 210—211.

истории славянским съ учением о предстоящей замѣнѣ господства буржуазин торжествомъ рабочихъ классовъ. Такое учение, подпиремое еще и до сихъ поръ не переставающе пугать Европу фразой Наполеона I: *dans 50 ans l'Europe sera républicaine ou cosaque**, Герценъ развилъ въ нѣсколькихъ брошюрахъ на разныхъ языкахъ (Старый мѣръ и Россія, Соціализмъ и Россія и пр.) и постоянно возвращался къ нему въ „Колоколѣ“. У самаго Герцена это учение умѣрялось широкимъ образованіемъ и терпимостью огромнаго ума,—по у многихъ москвичей, даже эмигрантовъ, какъ напр. Мартынова, оно доходило до отрицанія правъ великорусскихъ народовъ на отдѣльное существованіе. Во всякомъ случаѣ учение это дѣлало и изъ Герцена теоретическаго противника полнаго отдѣленія Польши,—такъ какъ, по этому учению, Польша, хоть и славянская страна, но утратившая, подъ вліяніемъ Запада, сельскую общину, сохранившуюся въ Великороссіи, пуждалась въ союзъ съ послѣдней въ критическій моментъ всемірно-историческаго перелома.

Но не раздѣляя такимъ образомъ, по разнымъ соображеніямъ, идей польскихъ патріотовъ, касательно необходимости отдѣленія Польши отъ Россіи, Герценъ, конечно, глубоко уважалъ въ полякахъ страданіе, любовь къ независимости и свободѣ и энергію въ борьбѣ за нее и признавалъ право на рѣшительное слово въ вопросѣ о судьбѣ Польши только за поляками: „Если Польша захочетъ другого рѣшенія, говорилъ онъ,—да будетъ ея воля!“ Вся бѣда была въ томъ, что Герценъ довольно смутно представлялъ, что собственно такое Польша,—и, при всемъ уваженіи къ народамъ передъ государствомъ, все таки способенъ былъ забыть, что слова „Польша“ и „Россія“,—а теперь особенно послѣднія, представляютъ собою собственно государства, а не народы, и что, для уразумѣнія интересовъ этихъ послѣднихъ,—какъ напр. въ данномъ случаѣ интересовъ литовцевъ, бѣлоруссовъ, и украинцевъ,—нужно прежде всего отрѣшиться отъ привычки поляковъ и великоруссовъ ставить вопросъ только между „Россіей“ и „Польшей“.

Съ самаго начала своей публицистической дѣятельности Герценъ не пропускалъ случая высказываться о польскомъ вопросѣ,—но до 1859 г. его слова не выходили за предѣлы общихъ выраженій сочувствія къ Польшѣ, какъ къ странѣ страдающей подъ чужимъ игомъ. Систематически и съ подробностями высказался Герценъ о польскомъ вопросѣ въ первый разъ въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Россія и Польша“, напечатанныхъ въ „Колоколѣ“ 1859 г., въ №№ 33, 34 и 37 и въ 1860 г., №№ 66 и 67. Первые двѣ статьи напечатаны по поводу брошюры „Aleksander Herzen i Wolna Rosyjska Drukarnia w Londynie“, которой, къ крайнему нашему сожалѣнію, мы не видѣли. Всю первую статью московскій эмигрантъ посвятилъ защитѣ своего народа и даже государства отъ отрицательныхъ взглядовъ, распространенныхъ въ западноевропейскихъ обществахъ и въ польскомъ, налегая

въ особенности на важность для Россіи социально-экономическаго вопроса крестьянскаго, которымъ въ данный моментъ, по его мнѣнію, дѣятельно занялось и правительство. Собственно только во второй статьѣ Герценъ разбираетъ вопросъ объ отношеніи Польши къ Россіи, т. е. къ русскому государству. Онъ говоритъ: „Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣютъ неотъемлемое, полное право на государственное существованіе, независимое отъ Россіи. Желаетъ ли мы, чтобъ свободная Польша оторвалась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, мы этого не желаемъ и можно ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ главныхъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое развитіе. Глубоко непонимая всякую централизацию, я убѣжденъ, что соплемнныя федераціи дадутъ средѣ государственную несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣетъ правъ на Польшу, она должна заслужить то, что взяла насильно; она должна загладить то, что сдѣлала ея руками, и если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ нею, но не предоставитъ ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ. Мнѣ кажется, что это ясно.“

„Но если ясно, что мы признаемъ это право, то можетъ быть надо пояснить, почему мы не желаемъ полнаго расторженія двухъ народовъ. Намъ кажется, что Польша и Россія могутъ рука объ руку идти одной дорогой къ новой свободной социальной жизни. Мы думаемъ, что Польша и Россія совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ которомъ Ломбардія и Австрія... Австрія не народъ; Австрія полицейская мѣра, сводная администрація; она ни къ чему живому не примыкаетъ, не поконитъ на себѣ... Совсѣмъ напротивъ Россія—такая же живая личность, какъ Англія, какъ Франція, только съ той разницей, что тѣ „вѣтхія дѣньми“ съ своимъ богатствомъ и съ своими рубцами, съ шевронами на рукахъ и съ изстрѣленными, въ послѣдніе три вѣка, знаменами, покрытыя славой идутъ на отдыхъ(!), а Россія только что вступаетъ на плацъ, на парадное мѣсто въ исторіи. Самое имя Россіи—начинаетъ повторяться въ Европѣ вмѣстѣ съ именемъ Америки.“

„Россія, кромѣ закраинъ своихъ, представляетъ сплошное единство, сходное по крови, по языку, по духу. Каждый русскій сознаетъ себя частью всей державы, сознаетъ родство свое со всѣмъ народонаселеніемъ, воспитаннымъ въ томъ же сельскомъ быту, съ своимъ общиннымъ порядкомъ и раздѣленіемъ полей. Отъ того то гдѣ бы русскій ни жилъ въ огромныхъ пространствахъ между Балтикой и Тихимъ Океаномъ, онъ прислушивается, когда враги переходятъ русскую границу, и готовъ идти на помощь къ Москвѣ, такъ какъ шелъ въ 1612 и въ 1812 годахъ.“

„Но что онъ считаетъ своей границей?..“

Что касается до главнаго вопроса, до самобытности Польши, онъ рѣшенъ самимъ языкомъ; ни одинъ русскій крестьянинъ не считаетъ Польшу Россіей. Вся Русь говоритъ: „Въ Польшу, изъ Польши“. Но гдѣ же черта, за которой оканчивается Русь и начинается Польша? Это опредѣлить трудно, но не изъ патріотизма, а изъ того, что у насъ не достаетъ самаго главнаго элемента для рѣшенія вопроса.

„Что мы возьмемъ за его основаніе? Присоединеніе Червонной Руси къ Польшѣ, или присоединеніе Украины къ Россіи въ половинѣ XVII столѣтія; между ними цѣлый вѣкъ борьбы рѣчи Посполитой съ козаками*). Въ продолженіи ея два противоположныхъ потока обозначаются въ южной Россіи: шляхетство, паны—тянутъ къ аристократической республикѣ; нижній слой, народъ, козаки напротивъ въ постоянной враждѣ съ Польшей, Хмельницкій не изъ любви къ Москвѣ, а изъ любви къ Польшѣ отдался царю. Москва, или лучше Петербургъ, обманули Украину и заставили ее ненавидѣть москалей. Какъ же рѣшить вопросъ о ней? Давность владѣнія ничего не доказываетъ. Утраченное владѣніе еще меньше. Право завоеванія? Послѣдній захватившій будетъ владѣть, пока другая сила его согонитъ. Завоеваніе фактъ, а не право. Естественныхъ границъ нѣтъ; ни цѣпи горъ, ни большихъ рѣкъ; остается искать новыхъ основаній въ самой жизни народа, въ его бытѣ... Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ православіе, говоритъ языкомъ болѣе близкимъ къ русскому, чѣмъ къ *польскому*, тамъ, гдѣ онъ сохранилъ русскій крестьянскій бытъ, мѣръ, сходку, общинное владѣніе земель,—тамъ онъ, вѣроятно, захочетъ быть русскимъ. Тамъ, гдѣ народъ исповѣдуетъ католицизмъ или унию, тамъ, гдѣ онъ утратилъ общину и общинное владѣніе земель, тамъ, вѣроятно, сочувствіе съ Польшей сильнѣе и онъ пойдетъ съ ней.“

„Но, скажите, что же мы за послѣдшкіи вѣнскаго конгресса, что будемъ расписывать, какаю полосу земли, куда принадлежитъ, не спросивъ людей на ней живущихъ... Ну, если послѣ всѣхъ нашихъ разсужденій, Украина, помнящая всѣ притѣсненія москалей, и крѣпостное состояніе, и наборы, и безправіе, и грабежъ, и кнутъ съ одной стороны, и не забывая съ другой, каково ей было и за Рѣчью-Посполитой съ жолнерами, панами и коронными чиновниками, не захочетъ быть ни польской, ни русской? По моему вопросу рѣшается очень просто. Украину слѣдуетъ въ такомъ случаѣ признать свободной и независимой страной. У насъ... не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна принадлежать та, или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, люди подавленные рабствомъ, но не на

*) Червонная Русь (Галиція) была завоевана поляками окончательно въ 1387 г. Украина присоединилась къ московскому государству, которое Герценъ зоветъ преждевременно Россіей,—въ 1654 г., слѣдовательно между этими событіями прошло гораздо болѣе вѣка и притомъ для большей части Украины два періода исторіи: литовскій (2½ вѣка) и польскій (вѣкъ).

столько сломанные правительством и помещиками, чтобы потеряли всякое чувство пародности; совсѣмъ напротивъ, родовое сознание у нихъ очень развито... что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны принадлежать Польшѣ?

„Развяжемъ-те имъ руки, развяжемъ те имъ языкъ; пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна и тогда пусть они скажутъ свое слово, нерешающую черезъ кнутъ къ намъ, черезъ палежъ къ намъ, или, если они умны, протянутъ намъ обѣимъ руки на братскій союзъ и на независимость отъ обѣихъ. Вотъ потому то я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ и никто никому не принадлежитъ, ни Женева Берну, ни Бернъ Женевѣ“...

Къ выписаннымъ словамъ (изъ 34 № Колокола) слѣдовало бы прибавить нѣсколько выдержекъ изъ послѣдующихъ статей Герцена (Колоколъ, №№ 66 и 67), въ которыхъ онъ подробнѣе развиваетъ мысль о необходимости для Польши держаться Россіи, ради крестьянско-общиннаго элемента послѣдней. Но глава наша выходитъ и такъ уже слишкомъ длинною, — а потому мы отсылаемъ болѣе любопытныхъ читателей прямо къ „Колоколу“, или къ сборнику „За пять лѣтъ“, — а здѣсь ограничимся только двумя, по нашему мнѣнію, главнѣйшими выдержками изъ статьи 66 и 67 №№ „Колокола“.

„Я только для *нерусскаго* славянскаго міра, — говорилъ Герценъ, — отъ всей души желалъ братскій союзъ съ Россіей, для того, чтобы, когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, онъ не былъ бы взятъ въ распахъ“, — и далѣе старается пояснить свою мысль обзоромъ исторіи Россіи, какъ „мужицкаго“ царства и современнаго настроенія ея, въ эпоху приступа къ освобожденію крестьянъ. Дужалъ, подобно многимъ русскимъ, будто только въ одной Россіи освобождаютъ крестьянъ съ землей (и, забывая примѣры Пруссіи, Галиціи, Скандинавскихъ державъ и даже Финляндіи, гдѣ аграрный вопросъ поставленъ едва ли не радикальнѣе, чѣмъ гдѣ либо) и заявить, будто въ Россіи даже правительство и помещики признаютъ право крестьянъ на землю (мы теперь знаемъ, точно ли всѣ крестьяне получили въ Россіи землю, по скольку и на какихъ условіяхъ, — и тошо ли эмансипаторы 60-хъ годовъ предохраняли Россію отъ пролетаріата, даже сельскаго), — Герценъ переходитъ къ пророчеству о предстоящей Европѣ социальной катастрофѣ, — въ которой Россія, по его вѣрованію, должна принять участіе, кажется, не переставая еще сама быть военною державою: „Подумайте, говоритъ онъ, когда эта шестая доля земнаго шара, со всѣми Туранскими и Чудскими примѣсами, съ социальными инстинктами, освобожденная отъ пѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ-работникомъ и съ пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ и они поймутъ, что собственно у нихъ дѣло одно.

„Кто можетъ предвидѣть всѣ столкновенія и борьбы, которыя вызовутся въ тѣ дни. Но что они будутъ страшны, въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Передъ борьбой намъ хотѣлось бы, чтобы славяне подали другъ другу руку на братскій союзъ, — не для помощи Россіи, — ужъ она то фага да се, — не для составленія съ ней чудовищной имперіи, — мы ничего не знаемъ нелѣпѣ этихъ китобразныхъ государствъ, которымъ тяжело двигаться отъ роста, — а для того чтобы они не остались по ту сторону, по сторону прошедшаго, или не сдѣлались бы кровавымъ театромъ страшной борьбы“.

Читая вышеупомянутыя статьи Герцена видишь, какъ близко онъ къ истинному пониманію вопроса, но въ то же время. — особенно послѣ всего случившагося съ 1860 г., видишь, какъ примѣсь къ его здравымъ мыслямъ идей великорусскаго мессіанизма, а также познаніе деталей исторіи и положенія великорусскихъ народовъ и остатки привычки распоряжаться за другихъ ихъ судьбою, — составили около вполне вѣрныхъ и спасительныхъ зеренъ политическихъ идей Герцена о польскомъ вопросѣ такую оболочку, которая должна была стать источникомъ послѣдующихъ бѣдствій и ошибокъ. Начнемъ съ великороссійскаго мессіанизма, потому что хотя онъ только косвенно входитъ въ главный кругъ предметовъ, которымъ посвящены настоящія статьи, по все таки не можетъ быть оставленъ безъ обсужденія, — такъ какъ онъ, во первыхъ, составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ великорусскаго общества, въ томъ числѣ и его демократіи, — а, во вторыхъ, онъ имѣлъ и свое практическое значеніе въ польскомъ вопросѣ до и послѣ революціи 1863 г. На поляковъ онъ долженъ былъ производить отгалкивающее впечатлѣніе, — не только на патріотовъ болѣе „бѣлыхъ“ отъѣзжковъ, — у которыхъ была своя національно-мессіанистическая религія, если и не такъ болѣе мистицизмомъ, — по даже и на тѣхъ изъ „красныхъ“, которые способны были усвоить и федеральную, и социалистическую сущность ученія Герцена, но только не въ той, по истинѣ, странной и претензіозной оболочкѣ, въ какой ее излагалъ московскій демократъ. Вотъ почему усвоено было ученіе Герцена только великоруссами, — и у послѣднихъ получило и практическое примѣненіе, которымъ врядъ ли доволенъ былъ самъ Герценъ.

Кто слѣдилъ за петербургскою и московскою печатью 1864—1868 гг., тотъ не могъ незамѣтить, какъ въ тогдашнихъ органахъ императорскаго демократизма, постепенно перешедшихъ въ органы всеобрустительнаго бюрократизма („Денъ“, „Москва“ и „Москвичъ“ И. Аксакова, „Голосъ“, — который сначала, въ 1863 г., представлялъ было собою въ польскомъ вопросѣ идеи петербургскихъ западниковъ и либераловъ) почти дословно излагались мысли Герцена „о старомъ мірѣ и Россіи“, о спасеніи потерявшей славянскій обликъ Польши чисто-славянскими началами, сохранившимися въ Велико-Россіи и т. п. Теперь подобнаго рода

мысли рѣже высказываются въ великороссійской печати, но они далеко не исчезли въ великорусскомъ обществѣ, а исповѣдываются многими учеными, членами славянскихъ комитетовъ, а также людьми и теперь довольно вліятельными, и которые со временемъ могутъ получить еще болѣе вліятельныя положенія, какъ напр. кн. Ал. Васильчиковъ. Подобныя идеи вдохновляли дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ Ю. Самарина, Черкаскаго, Н. Милотина, — и, конечно, въ ихъ рукахъ послужили опорой для проведенія нѣсколькихъ полезныхъ для польскаго крестьянства аграрныхъ реформъ и сельскихъ учреждений, — но также, особенно въ рукахъ менѣе образованныхъ людей, служили источникомъ и оправданіемъ великаго рода централизаторскихъ и православно-обрустительныхъ безобразій надъ Польшею и поляками. (Впослѣдствіи въ болгарскій походъ у самаго Черкаскаго идеи великорусскаго мессіанизма, провозглашаемые въ то время г. Ив. Аксаковымъ изъ московскаго славянскаго комитета и кн. Ал. Васильчиковымъ въ петербургскомъ, — послужили оправданіемъ системы чистаго кнутобойства надъ „братушками“, уже не сопровождаемаго никакими аграрными реформами).

У Герцена мы встрѣчаемъ сильныя противобѣсы великороссійскому мессіанизму, и потому лично онъ, конечно, трижды чистъ отъ всѣхъ его безобразій, но не совсѣмъ не виновна въ нихъ самая его доктрина. Право, не только социализмъ, но даже императорскій демократизмъ и аграрныя реформы въ Царствѣ Польскомъ могли бы быть весьма удобно проводимы безъ всякой примѣси племеннаго мессіанизма; вѣдь обходится же напр. безъ него практической Гладстонъ въ своей аграрной политикѣ въ Ирландіи. Но великорусскіе демократы не обошлись безъ него въ 1860-е годы; не совсѣмъ они обходятся безъ него и теперь, какъ это видно на писаніяхъ многихъ русскихъ „народинковъ“, цензурныхъ и безцензурныхъ. А между тѣмъ, прослѣдивши генеалогію всѣхъ этихъ претензій на сохраненіе въ Велико-Россіи основъ наиболѣе удобныхъ для торжества демократіи, антикапитализма, социализма, правдоискательства и т. п., — вы найдете въ корнѣ родословнаго древа ничто иное, какъ старомосковскій китанизмъ и ученіе о томъ, что „Москва — третій Римъ, а четвертаго не будетъ“.

Если такимъ образомъ однимъ своимъ бокомъ ученія Герцена, — такъ какъ они были имъ изложены въ 1859—1860 гг., представляли опору для такой политики, которая потомъ повела за собою, съ русской стороны, мѣры противъ національной индивидуальности Польши, — то другимъ своимъ бокомъ они открывали наклонную плоскость, по которой и самъ Герценъ, и его политическіе друзья, покатались еще раньше въ сторону польскихъ „историческихъ“ стремленій, по сущности своей завоевательныхъ, а не освободительныхъ и противъ которыхъ самъ Герценъ выставилъ столько вѣскихъ соображеній и въ тѣхъ же вышеупомянутыхъ статьяхъ.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАШИ ДИПЛОМАТЫ

(Письмо къ Редактору)

Милостивый Государь!

Въ настоящую минуту, когда взоры всей Европы устремлены на происходящую въ Данцигѣ встрѣчу императоровъ Россіи и Германіи, сопровождаемыхъ главными руководителями иностранной политики обѣихъ странъ, невольно является вопросъ — составляетъ ли это событіе, ни въ какомъ случаѣ не могущее остаться безъ вліянія на политическое положеніе Европы, новый триумфъ германской дипломатіи, или же неожиданный успѣхъ дипломатіи русской? Многіе знаютъ, или думаютъ, что знаютъ, относительную силу германской и русской арміи, но какъ относятся другъ къ другу германскія и русскія дипломатическія силы? какова, въ особенности, наша современная дипломатія?

Если послушать отзывы о ней европейской прессы, то въ нашихъ дипломатахъ слѣдуетъ видѣть прямыхъ потомковъ Макиавеля: сѣтъ ихъ интригъ опутываетъ цѣлый міръ, — таинственными путями, неуклонно, стремится русская дипломатія къ одной цѣли; она все знаетъ, все предвидитъ, и соединенныя силы всѣхъ народовъ едва достаточны, чтобъ остановить ея успѣхи.

Послушайте, напротивъ, голосъ русской печати. Ни одинъ органъ, сколько нибудь имѣющій притязаніе на политическіе взгляды, не станеть говорить объ иностранной политикѣ, не пересылая своей рѣчи словами: наши легкомысленные, близорукіе, несвѣдушіе, несерьезные дипломаты, жуждые Россіи и т. д.; и печать, въ этомъ отношеніи, вѣрно отражаетъ мнѣніе публики: дипломатамъ посчастливилось прослыть такими, и въ мнѣніи о нихъ сходятся всѣ русскія партіи, каждый петербургскій канцеляристъ и каждая московская кумушка, говоря о дипломатахъ,жимаютъ плечами, восклицаютъ съ пренебреженіемъ: охъ! наши дипломаты!

Для незнакомаго съ нашими порядками можетъ показаться страннымъ, почему правительство, ревниво оберегающее честь полицейскаго и другихъ административныхъ вѣдомствъ отъ малѣйшей критики, такъ стончески относится къ поголовному осужденію нашей дипломатіи? Причина однако, весьма простая: печать подлежитъ вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, руководя ею по произволу и, въ своемъ собственномъ интересѣ, несравненно менѣе заботится объ интересѣ такого сравнительно малозначительнаго вѣдомства, какъ министерство иностранныхъ дѣлъ; къ чести же послѣдняго надо сказать, что оно, всѣхъ менѣе желая стѣснять свободу мнѣній, не жалуется на выходки газетъ, а отвѣчаетъ на нихъ однимъ равнодушіемъ: немногія кары за сужденія о вѣннской политикѣ, которыя постигли нашу прессию, не были вызваны нашей дипломатіей и не были наложены за нападки на послѣднюю, а за статьи непріятныя высшему прави-

тельству или иностраннымъ державамъ.

Невыгодное мнѣніе это такъ укоренилось въ Россіи, что, если бы кто пожелалъ напечатать нѣсколько словъ въ защиту нашей дипломатіи, онъ вѣроятно не нашелъ бы ни одного изъ органовъ издающихся подъ эгидою Главнаго Управленія печати, который бы рѣшился помѣстить столь непопулярную вещь. Я не говорю конечно о „Journal de Saint-Petersbourg“, ни объ „Agence russe“, которые аккуратно, столько то разъ въ годъ, объявляютъ, что наша иностранная политика не laisse rien à désirer; увѣренія этихъ органовъ, даже печатаемыхъ обыкновенною русской публикаю, нисколько не убѣждаютъ и считаются всѣми одною формальностію.

Не будучи въ состояніи, по понятнымъ причинамъ, обратиться къ предшествовавшимъ Вашему русскимъ заграничнымъ органамъ, я очень обрадовался появленію „Вольнаго Слова“, — спокойный и достойный тонъ котораго и очевидное стремленіе быть справедливымъ, заставляютъ меня надѣяться, Милостивый Государь, что Вы не захотите сдѣлать исключенія къ невыгодѣ нашей дипломатіи, и не откажете мнѣ въ пользованіи „Вольнымъ Словомъ“ для защиты противъ общественнаго предразсудка сонма людей,

quorum pars parva fui.

Русская дипломатія не безконечно хитра и коварна, какъ думаютъ на Западѣ, но и не такъ слаба и бесполезна, какъ утверждаютъ въ Россіи; она положительно не заслуживаетъ

Ni cet excès d'honneur, ni tant d'indignité.

Тѣ, которые ей такъ много приписываютъ и тѣ, которые требуютъ отъ нея такъ много, забываютъ, что дипломатія вообще есть только орудіе въ рукахъ политики, только средство къ достиженію цѣли. Вопросъ о томъ, хороша или дурна дипломатія сводится на вопросъ — хорошо или дурно она служитъ видамъ направляющаго ее правительства.

Примѣняя этотъ критеріумъ къ нашей дипломатіи, нельзя не признать, что она самое лучшее орудіе, которое доставляла нашему государству реформа Петра Великаго. Реформа, цѣль которой была сдѣлать насъ какъ можно болѣе похожими на европейцевъ, только и удалась вполне что въ дипломатіи. Другія русскія вѣдомства только снаружи приняли европейскія или, лучше сказать, нѣмецкія формы, духъ же остался татарско-московскій; здѣсь не только формы, но и самый духъ чисто-европейскіе. Отношенія между начальниками и подчиненными гораздо благообразнѣе, утонченнѣе, чѣмъ во всякой другой карьерѣ въ Россіи; образованный человѣкъ можетъ служить въ иностранномъ вѣдомствѣ, не принижая своей личности, не теряя своего достоинства. Сношенія съ жителями свободныхъ и цивилизованныхъ странъ и наблюденіе по обязанности за ходомъ развитія культурныхъ націй вырабатываетъ, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ представителяхъ нашей дипломатіи, широту взгляда

и свободу сужденія, которыхъ бы мы напрасно стали искать въ государственныя люди, дѣйствовавшіе исключительно внутри нашего отечества. Тогда какъ всякая другая отрасль управленія стоитъ у насъ неизмѣримо ниже чѣмъ на Западѣ, дипломатія наша вполне выдерживаетъ сравненіе съ дипломатіей западныхъ націй.

Можно понять, однако, что русское общество не довольно плодами дѣятельности нашей дипломатіи, что оно желало бы видѣть ее болѣе направленною на осуществленіе національных цѣлей и стремленій; оно ошибается только въ томъ, что дѣлаетъ дипломатію отвѣтственною за общія условія нашей государственной жизни.

За исключеніемъ царствованій Петра Великаго и Екатерины, направленіе нашей вѣннской политики опредѣлялось всегда не русскимъ государственнымъ интересомъ, а личными чувствами нашихъ правителей, ихъ симпатіями и антипатіями. Чувства эти бывали прекрасны и возвышенны, но ими слишкомъ много злоупотребляли для своихъ выгодъ враги и союзники Россіи — два понятія часто соединявшіяся вмѣстѣ.

Періодъ завѣдыванія иностранной политикою князя Горчакова, почти совпадающій съ прошлымъ царствованіемъ, былъ особенно богатъ примѣрами личныхъ предпочтеній и предубѣжденій и имъ, въ значительной степени, обязана карта Европы измѣненіемъ главныхъ своихъ очертаній: любовью къ Австріи, способствовавшая изгнанію послѣдней изъ Италіи и Германіи, привела къ вторженію Австріи на балканскій полуостровъ, доступному прежде одной Россіи; дружба же къ Пруссіи была причиною замѣны русскаго преобладанія на балтійскомъ морѣ преобладаніемъ Германской имперіи, самаго могущественнаго союза, котораго когда либо имѣла Россія и, къ тому же, тѣсно соединеннаго съ двигающеюся на Востокъ Австріей!

И это были результаты, не ряда несчастныхъ войнъ и пораженій, а четверти столѣтія глубокаго мира и одной полной побѣды и славы войны!

Да! если бы можно было сдѣлать дипломатію отвѣтственною за случившееся, то лучше было бы совершенно отказаться отъ такого вреднаго и опаснаго орудія. Но истина въ томъ, что, по крайней мѣрѣ во время послѣдняго восточнаго кризиса, наша оффиціальная дипломатія *всего менѣе* имѣла вліянія на теченіе нашей вѣннской политики. Рядомъ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, политикою занималось всемогущее военное министерство, черезъ подвѣдомственныхъ ему военныхъ агентовъ, собиравшее свѣдѣнія, не только о военномъ, но и о политическомъ положеніи иностранныхъ державъ, свѣдѣнія часто противорѣчившія допущеніямъ дипломатическихъ представителей, но всегда имъ предпочитаемыя; военное министерство всегда могло найти въ своемъ незыблемомъ, неограниченномъ бюджетѣ средства для отправки офицеровъ съ „особымъ порученіемъ“, часто неизвѣстнымъ нашему мѣстному представителю или имъ неудоб-

ряемымъ, по которому не въ его сплахъ было воспрепятствовать. Вообще, въ оффициальной дипломатіи, образовалась цѣлая фаланга агентовъ оффиціозныхъ, конфиденціальныхъ, часто просто рекомендованныхъ высокопоставленными лицами, но отвѣтственность за дѣянія которыхъ падала всецѣло на наши посольства и миссіи. Все это исходило болѣе или менѣе отъ „правительства“, представляло наше правительство въ глазахъ иностранцевъ, говорило его именемъ, подкапывало вліяніе настоящей дипломатіи и роняло ея престижъ. Сами дипломаты часто бывали поставлены въ затрудненіе между своими оффициальными инструкціями и „частными письмами“ оффициальныхъ лицъ.

Положеніе дипломатовъ было тѣмъ тягостнѣе, что они видѣли, что имъ предоставляется отправленіе только текущихъ дѣлъ, а что все важное, рѣшающее дѣлается помимо ихъ, посылаюко генераль-адъютанта (упоминаю только о вѣдѣ извѣстной миссіи графа Сумарокова) или какимъ либо другимъ способомъ. Во время войны за Дунаемъ доходило до того, что чисто дипломатическіе переговоры велись безъ вѣдѣнія нашей дипломатіи, которая узнавала о нихъ иногда даже позже иностранныхъ дипломатовъ...

Важнѣйшія политическія мѣры рѣшались обыкновенно (я говорю только о прошломъ царствованіи, не имѣя понятія, какъ это происходило нынѣ) на особомъ докладѣ государю, и часто не того лица, къ вѣдомству котораго принадлежала эта мѣра). На совѣтахъ же, имѣвшихъ мѣсто въ присутствіи государя, дѣло рѣдко доходило до обсужденія: достаточно было малѣйшаго заявленія или признака, свидѣтельствовавшего о склонности главы государства къ тому или другому мнѣнію, чтобы всѣ члены совѣта немедленно оказывались того же мнѣнія, и всѣ внутренній разногласія исчезали подъ самымъ обманчивымъ наружнымъ единодушіемъ: всѣ были согласны, но каждый продолжалъ дѣйствовать по своему.

Вотъ что слѣдовало бы знать такъ строго осуждающимъ нашу дипломатію. Но я не скрою, однако, что и она сама не осталась цѣльною въ этомъ общемъ хаосѣ и разложениі; но признавая и ее заслуживающую упрека, я не согласенъ съ тѣми, которые винятъ ее за отчужденность отъ русскаго общества и русской жизни: напротивъ, въ критическую эпоху 1875—1878 гг., наша дипломатія сдѣлалась слишкомъ чувствительною къ общественному мнѣнію, слишкомъ впечатлительною относительно его настроенія. Не находя достаточно прочной опоры во власти, дипломаты, нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ, вступили на скользкую стезю популярности, въ ущербъ своему долгу и интересамъ своего отечества.

Нынѣ, ничто не сомнѣвается болѣе, что послѣдняя восточная война, побѣдоносная и славнѣйшая изъ славныхъ, была одной изъ самыхъ несчастныхъ, самыхъ гибельныхъ по своимъ послѣдствіямъ. Русское

общество, незнакомое съ политикою, не привыкшее рѣшать какіе либо государственные вопросы, могло увлекаться и увлекалось самыми прекрасными, идеальными чувствами; но какъ могли дипломаты, государственные люди раздѣлять это увлеченіе или, не раздѣляя его, ему потворствовать? какимъ образомъ представители Россіи могли дѣлаться органами общественныхъ страстей и увлеченій? вотъ что кажется страннымъ и непонятнымъ.

Оно объясняется только общей дезорганизациею и деморализациею государственнаго управленія, заразившихъ отчасти и лучшую часть его. Подобно тому, какъ внутри Россіи вѣдомство враждовало съ вѣдомствомъ, такъ и въ иностранномъ вѣдомствѣ, отдѣльныя посольства и миссіи слѣдовали особой политикѣ, проводили мѣры часто наперекоръ своимъ коллегамъ или центральному руководству.

... Мнѣ слишкомъ трудно и больно говорить объ этомъ недавнемъ и тяжеломъ прошедшемъ, но я желаю бы заключить сказанное здѣсь мною слѣдующими *ria desideria*, осуществленіе которыхъ могло бы предохранить отъ повторенія тѣхъ же неудобствъ въ будущемъ:

1, чтобы министерство иностранныхъ дѣлъ стало вновь единственнымъ органомъ иностранной политики русскаго государства;

2, чтобы оно имѣло всегда голосъ въ вопросахъ касающихся иностранной и вообще высшей политики, и чтобы эти вопросы подвергались серьезному обсужденію компетентныхъ лицъ;

3, чтобы въ самомъ министерствѣ было восстановлено единство и внутренняя дисциплина, и чтобы оно было обезпечено отъ вмѣшательства чуждыхъ дипломатическихъ лицъ, — какъ бы они ни были вліятельны или высоко стояли;

4, чтобы опредѣленіе на дипломатическую службу и назначеніе на дипломатическіе посты производились не по классамъ табели о рангахъ, а по знанію дѣла и способностямъ.

Я прерываю здѣсь изложеніе моихъ желаній, потому что они переходятъ границы интересовъ русскаго дипломатіи и сливаются съ желаніями и интересами русскаго общества и русскаго народа.

Я пользуюсь этимъ случаемъ чтобы и т. д.

Бывшій дипломатъ.

ПИСЬМА О РАБОЧЕМЪ ДВИЖЕНІИ.

III.

Роль нѣмецкой социальной демократіи въ 70-хъ годахъ и французскаго социалистическаго движенія теперь. Успѣхи этого движенія на сколько они проявились въ послѣднихъ выборахъ. Призывъ къ реорганизации рабочей партіи во Франціи.

Въ началѣ 70-хъ годовъ во главѣ западно-европейскаго социалистическаго движенія стояла социальная демократія Германіи. Война Наполеона съ Вильгельмомъ привела въ зна-

чительной мѣрѣ къ дезорганизации рабочихъ обществъ во Франціи, а реакція, наступившая послѣ пораженія Парижской революціи, и довершила эту дезорганизацию, наполнивъ Парижъ потоками крови передовыхъ элементовъ пролетаріата и сославъ десятки тысячъ въ Новую Каледонію. И въ то самое время, когда французская плутократія праздновала свою кровавую побѣду надъ парижскимъ пролетаріатомъ, вожди его въ Германіи залыла съ трибуны рейхстага о солидарности нѣмецкихъ социалистовъ съ парижской коммуной. Но, прибавляли они, парижское возстаніе — только форпостное сраженіе предстоящей генеральной битвы труда съ капиталомъ во всѣхъ передовыхъ странахъ. Коммуналистическое движеніе Парижа въ 71 г. возбудило энтузіазмъ лучшей части германскаго народа, и, въ то время, какъ всѣ члены центрального комитета социалистической партіи Германіи въ цѣняхъ отвезены были въ крѣпость за свой манифестъ къ народу объ единодушномъ протестѣ противъ отнятія Эльзаса и Лотарингии у Франціи, пресса социалистическая и мѣстные группы партіи (эйсенахской) еще рѣзче и смѣлѣе поднимали свой голосъ въ пользу международного братства и интернаціональной солидарности пролетаріата. Во Франціи революціонное движеніе на время было подавлено; въ Германіи оно росло съ удивительной быстротой, проявляясь и въ увеличеніи числа газетъ и брошюръ, и въ разномордныхъ манифестаціяхъ, и въ постоянномъ ростѣ численности членовъ и группъ, пристававшихъ къ социалистической партіи. Неудивительно, поэтому, что вниманіе сознательной части западно-европейскаго и американскаго пролетаріата было устремлено на рабочее движеніе Германіи почти до конца 70-хъ годовъ. Теперь роли нѣсколько измѣнились: реакція, направляемая Бисмаркомъ, сдѣлала почти невозможнымъ открытое проявленіе освободительныхъ стремленій германскаго пролетаріата. Партія социалистическая не дезорганизована, но дѣятельность ея — тайная, невидимая, при томъ не громкая, а поэтому и не можетъ въ такой мѣрѣ, какъ прежде, вліять на умы и чувства рабочихъ въ другихъ странахъ. За то во Франціи пролетаріатъ опять поднимаетъ голову. И такъ какъ до сихъ поръ Франція продолжаетъ стремиться къ сохраненію за собою славы родины прогрессивныхъ идей человечества и передоваго борца за справедливость и всемірное братство, то понятно, что центръ тяжести упований пролетаріата промышленныхъ странъ опять переносится на дѣятельность и успѣхи ея передовыхъ элементовъ. Вотъ почему мы въ этомъ письмѣ считаемъ нужнымъ еще разъ вернуться къ послѣдней избирательной борьбѣ, на сколько въ ней проявилась дѣятельность рабочей партіи Франціи и идейное вліяніе этой партіи на различныя общественныя группы.

Въ предыдущемъ письмѣ выясненъ, на сколько это возможно въ газетной статьѣ, смыслъ *практической* программы большинства передовой части французскаго пролетаріата. Во избѣжаніе недоразумѣній, замѣтимъ здѣсь, что мы отнюдь не хотѣли этимъ

сказать, что способ политической борьбы „рабочей партии“ есть *единственно* целесообразный. Не будучи знакомы с *детальными* условиями деятельности французских социалистов, мы не можем заявить себя рьяными сторонниками одной из их главных фракций. Очень может быть, что метод анархистов (или впрочем „абстенционистов“) окажется в будущем более соответствующим целям рабочего движения. Но каковы бы ни были относительные недостатки избирательной агитации во имя реформ, приведенных в предыдущем письме, она несомненно подготавливает умы значительных масс народа к восприятию социалистического идеала, способы осуществления которого будут выискиваться по мере роста численности и сознания передовых отрядов пролетариата. Далее, по мере того, как рабочие отделяются от буржуазии, организуясь в *самостоятельную* партию, агитирующую во время выборов во имя определенных, непосредственно осуществимых требований, усиливается и степень внимания к социалистическим требованиям в рядах имущественных классов. Представители науки, периодической прессы и вожди разных политических партий волеизволей начинают трактовать об экономических реформах и даже постепенно признавать многие существенные требования социализма. Желая оградить массу рабочих, в которой пробудилось сознание своего политического значения от влияния революционеров, они сами, незаметно для себя, заражаются социальными тенденциями последних и, в свою очередь, искренно или нет, но делая уступки демократическим тенденциям масс, заражают сознание последних, подготавливая таким образом почву опять таки для социализма. С этой точки зрения значение последних выборов во Франции для определения степени влияния социалистической пропаганды на массы представляется гораздо более крупным, чем это кажется, если судить исключительно по числу голосов, полученных кандидатами „рабочей партии“. Попробуем, поэтому, на основании изложенных у нас материалов, получить приблизительное представление о проявившемся в избирательной агитации успехе социалистической пропаганды помимо численности голосов, выпавших на долю „коллективистов - революционеров“ (так называют себя члены рабочей партии).

Малон, один из деятельных организаторов интернациональных секций во Франции в конце 60-х годов и член парижской коммуны, говорит по поводу выборов следующее: Последние выборы доказали, что „идея социализма так могущественна, что все партии, даже наиболее реакционные, говорят о социальных реформах, а радикалы могли в действительности победить кандидатов рабочей партии, только признав обрывки ее программы“. („Пролетарий“, 3 сент. № 153). „В продолжении этого избирательного периода, а в особенности по окончании его, говорит бельгийская газета „Голос рабочего“ (№ 19), социализм обсуждается всей прессой. И не

только радикальная пресса занимается им. Консервативные журналы, как *le Siècle* и *le Temps* обсуждают этот вопрос со всех его сторон и приходят к заключению, подчас весьма радикальным“. Так, *le Temps* высказывает ту мысль, что если бы орудия труда принадлежали рабочим, то нечего было бы опасаться социалистов. Поводом к этому заключению послужило следующее обстоятельство: В С-ть-Этьен, где социалистический кандидат получил 7000 голосов против 9000 республиканского кандидата, 5000 позументщиков были против первого оттого, что он их, в одном собрании, обозвал „буржуа“, между тем, как они только мелкие мастера. Характерны здесь с одной стороны щепотливость последних к названию „буржуа“, а с другой — заключение газеты „*le Temps*“, которое в применении к крупному производству, означает ни что иное, как *социализацию* средств и материалов труда.

Гамбетта, который несколько лет тому назад отрицал существование социального вопроса, категорически заявляет теперь о необходимости его постепенного разрешения. Тенденции различных социалистических групп, сказал он при свидании одному корреспонденту, проявились теперь рече, чем во время недавних муниципальных выборов“. Государство должно, по его мнению, вмешаться в отношение труда и капитала, „покровительствуя женщинам и детям, устанавливая рабочее время, способствуя обезпечению рабочих в случае болезни и несчастных происшествий, гарантируя стариков“... „эти идеи не новы; развитие экономических отношений навязало их нам и подготовило их решение“ *). Конечно, все эти заявления делаются уже после того, как Ревильон, при помощи социалистических избирателей, отвоевывает у Гамбетты один из избирательных округов Вельвиля, а в другом едва не был победен крайним радикалом Сигизмундом Лакруа.

Что касается до радикалов, то глава их, Клемансо, почти целиком признал программу минимума рабочей партии и при этом его в значительной мере последовали и многие из его товарищей. Киевский профессор И. Хлебников высказал в своей книге „О влиянии Общества на организацию государства“ ту мысль, что если какая нибудь идея сбывалась модною в обществе, то это верный признак, что она восторжествовала. Смешно было бы, конечно, сказать это относительно социализма во Франции. Но если принять во внимание вышеприведенные факты и то обстоятельство, что многие радикальные кандидаты прямо заявляют себя на собраниях социалистами, то можно без преувеличения сказать, что социалистическая тенденция глубоко проникла в сознание промышленных рабочих Франции и повидимому начинают влиять на образ мыслей даже официально признанных вождей буржуазии.

*) La voix de l'ouvrier, № 19.

Что касается до специально „рабочей партии“, то помимо косвенного влияния ее агитации и пропаганды, заметные успехи ее деятельности проявились *непосредственно* в возрастании числа вотировавшихся за нее голосов: в начале этого года, при муниципальных выборах, когда рабочая партия впервые выставила во Франции особых кандидатов, она получила в Париже 15000 голосов и в провинции до 25000, всего 40000; теперь же в Париже 20000, в провинции, по расчетам одних до 60, а других — 80000. Впрочем, представители партии не ликуют по поводу этих результатов, а наоборот стараются разъяснить массе членов причину недостаточности быстрых успехов ее. В письме к социалистическому избирательному комитету первого округа в Монпелье, рабочий кандидат, Брусс, выразился следующим образом: „Мы получили 2006 голосов. Это, разумеется, не победа, но и не поражение: тут не могло быть ни победителей, ни побежденных, потому что не было сражения. Мы считали друг друга — вот и все. Помимо публичных собраний, которые удваивают число приверженцев, без серьезной поддержки прессы, которая утрачивает его, нас оказалось 2000 убежденных, твердых, в руках которых знамя не покачается (*ne vacillera pas*)... Организуемся — успех есть дело времени“.

Слабость организации, раздробление сил, недостаточно серьезное внимание к образованию серьезной рабочей прессы — таковы уроки, извлекаемый всеми представителями рабочей партии из участия ее в последних выборах. „Партия рабочих, говорит Малон в № 153 „*Proletaire*“, не может выступить на борьбу с шансами на победу иначе, как расширив свои ряды и организовав федеративно все свои разбросанные агломерации, не иначе как проникаясь той истиной, что рабочая партия должна быть *партией рабочих*, а не фракцией одной какой нибудь части“.

Марсельская ветвь рабочей партии уже выступила с проектом в смысле реорганизации последней. „*Le Travailleur*“ (Рабочий), орган южной федерации, издающийся в Марселе, обнародовал этот проект, который мы возможно полно изложим здесь:

„Принимая во внимание, что работники должны больше, чем когда либо, думать о своей эмансипации и улучшении своего материального положения;

Принимая во внимание, что лучшим средством для этого является взаимная солидарность рабочих, для чего полезно было бы организовать объединительное учреждение, в виде комитета, обязанного устраивать сношения между всеми федерациями;

Принимая во внимание очевидную и крайнюю необходимость в объединении рабочих сил... в виду нового политического положения общественных властей, от которых теперь зависит наше экономическое положение;

Синдикальные камеры и корпоративные группы юга предлагают прочим областным федерациям следующую проэкт:

1) Для установления связи между региональными федерациями, совокупность которых составляет рабочую партию, образуется национальный комитет. Его место-пробывание в Париже, но всегда может быть изменено по желанию членов партии.

2) Полномочия этого комитета следующие: Сообщения всякого рода, сношения с областными федерациями; ведение генеральной статистики партии, организация пропаганды.

3) Комитет обязан отдавать на каждом конгрессе партии публично отчет о своих полномочиях.

4)

5) Каждая федерация автономна в своих внутренних делах и местных способах деятельности.

Проект этот уже принят влиятельными рабочей партией в Лионе, Гренобле, Кресо и юго-восточной федерацией. Горько встретил его и парижская печать социалистов. На национальном конгрессе партии, имеющемся состояться в конце октября *) в Рейнсе, несомненно будут приняты разные меры к усилению организации и взаимных отношений рабочих групп.

ИЗВЕСТИЯ И ЗАМЕТКИ.

Правительственная комиссия (состоящая покуда из одних чиновников, так как приглашенные свидетели из провинций съезжаются в Петербург только к концу месяца) по вопросу об уменьшении пьянства в народ имела 4 сентября п. с. первое заседание под председательством барона Розена. Она приняла решение уничтожить содержание кабаков в деревнях частными лицами и предоставить право продажи питей исключительно крестьянским обществам. Кроме этой меры были внесены предложения об увеличении акциза на спирт с 7 на 8 коп., о предоставлении земству надзора за кабаками и об издании свода карательных постановлений за пьянство.

Уверяют, что бернское правительство не намерено препятствовать собранию в Берне конгресса социалистов (назначенного на 23 октября. См. № 5 „Вольного Слова“). Оно потребует только, чтобы участники воздержались от всякой провокации и не выходили бы, в своих действиях, из границ, предоставленных существующими постановлениями.

По последним статистическим данным, опубликованным правительством за период

*) Впрочем, в виду того, что всемирный социалистический конгресс состоится в конце октября, может случиться, что национальный будет во Францию отложен до другого срока.

времени до 1871 года, смертность детей в деревнях повсеместно в России превышает таковую же смертность в городах. Обратное явление наблюдается по отношению к смертности в юношеском возрасте.

По сведениям Agence Continentale, князь Бисмарк, во время свидания императоров в Дании, имел продолжительный разговор с г-м Гирсом по предмету принятия мер против развития революционных идей.

Вышел новый № „Народной Воли“. По недостатку места мы не можем познакомить наших читателей с его содержанием теперь же.

Во время арестов, произведенных в Варшаве по случаю открытия тайно издаваемой социалистической газеты, некоторым из замешанных лиц удалось бежать за австрийскую границу; двое из них, однако, М. Пиховский и П. Цыковский, были тотчас же арестованы и посажены в краковскую тюрьму, где и оставались до настоящего времени. В „Przedświt“ сообщают из Кракова, что оба вышеупомянутых лица были, с соблюдением строжайшей тайны, выведены из тюрьмы и переданы русским жандармам; в городе носились об этом пропущенные только смутные слухи.

Мы узнаем, из другого источника, что галицийские депутаты вликого рейхстага намерены обратиться к швейцарскому министру юстиции с протестом против выдачи задержанных, без суда, иностранной державы, как меры, противоречащей основным законам австрийского государства.

Занмствуем, без всяких комментариев, следующую нелюбовь из Journal de Genève:

„Федеральный суд получил на этих днях анонимное письмо угрожающего характера, помеченное 13-м августа в Коарбе (Coire); приводим дословный перевод этого письма:

„Господин Президент,

Ваш федеральный суд имеет в продолжительном времени дать ответ на поданную ему жалобу по поводу социалистского конгресса в Цюрихе; как социалист я хочу предупредить вас об опасности постановлять решение против нас; если такое решение состоится, вы первые взлетите на воздух, когда начнется пляска, а она начнется скоро. Мы имеем достаточно динамита, чтобы взорвать на воздух половину Швейцарии. Мы скоро покончим с Швейцарией, ибо начнем с ней; когда наши доблестные предводители придут с их многочисленными батальонами рабочих, дело живо сладится; отсюда разойдется пожар, который охватит вселенную, и как приятно будет видеть

тогда вас, откормленные буржуа, пляшущими в воздухе. Теперь делайте что хотите. Может быть вы думаете, что мы слабы? Постойте! Раз вы не видите, что солдаты уже следуют за нами и заявляют о своих требованиях этим собакам, их офицерам; они пойдут также с нами, а потому остерегайтесь постановлять решение против нас, иначе вы первые заплещете в воздух.“

ПОПРАВКА. В статье «Статские Советники публицистики (см. № 4 «Вольного Слова») Гиларов-Платонов и Полоцкий ошибочно названы: первый издателем «Русских Ведомостей», а последний бывшим сотрудником «Отечественных Записок»; тогда как известно, что статск. сов. Гиларов-Платонов издает «Современные Известия», а статск. сов. Полоцкий сотрудничал прежде в «Вестнике Европы».

ПОЧЕМУ БАРАНОВ

ВЪ АРХАНГЕЛЬСКЪ?

— Слыхали, Баранов отправляется в Архангельск!

— „Въ ссылку?“ — Нет, не в ссылку, — а назначен губернатором.“

— „Вот тебе и па! А недавно еще читал я в немецких газетах, что чуть ли не Баранов низверг Лориса-Меликова, — и вообще рассуждения о Баранове, как о сановнике. И вдруг Архангельский губернатор!“

Так рассуждали мы с одним из русских несколько дней назад.

И почему непременно в Архангельск?! — Опять таки одна немецкая газета отыскала причину: в Архангельской губернии — де много политических ссыльных. Следовательно... Но что следовательно?... этого и немецкая газета прибрать была не в состоянии, — а мы тем паче.

Долго проломая голову, я пришел к решению, что самое ломанье головы над отысканием целесообразности в действиях теперешнего правительства России есть остаток привычки того доброго старого времени, когда герон „Ревизора“ думали при всяком случае, — что „начальство имеет тонкие виды; все на ус мотает!“ Не знаем, имело ли когданибудь начальство тонкие виды, но теперь давненько уже оно их не имеет и даже вред ли уже имеет и усы.

— Ну, — а однако мероприятие и назначения делаются же по каким-нибудь видам.

— Да больше, верно, по пальцам: замурить глаза, да и взмахнуть: сойдется, — так дать предостережение „Голосу“, а не сойдется, так простить „Страну“. Или по кофейной гуще можно решить: о пьянстве ли спросить экспертов, или о трезвости. А назначения, очевидно, по внешним признакам делаются: в Москву Козлова, в Петербург Баранова, — все из одной категории, из четвероногих.

— А все таки, почему же Барановъ въ Архангельскѣ?

Не сумѣвъ отвѣтить на это сразу, — я взялъ для консультаціи своего рода Библию, съ которою я часто совѣтуюсь, когда дѣло касается какихъ либо городовъ Россійской Имперіи, — „Городскія поселенія въ Р. И.“, — сочиненіе, которое одинъ мой пріятель называлъ „Исторіей города Глухова въ семи

томахъ съ алфавитнымъ обозрѣніемъ его частей“, — пашель „Архангельскѣ“ и ищу, нѣтъ ли указаній, почему этотъ именно городъ пуждался именно въ Барановѣ. И дѣйствительно нашель. На 5 страницѣ I тома читаю: „Въ 1818 г. выписаны были по Высочайшему повелѣнію изъ Англіи четыре коровы и два быка для размноженія породы рогатого скота. Одного изъ быковъ предпи-

сано содержать на счетъ городскихъ доходовъ г. Архангельска. Въ настоящее время городъ содержитъ трехъ быковъ“. Гдѣ же дѣвался четвертый? Вотъ для пахожденія его и для заботы о разнѣженіи въ Архангельскѣ рогатого скота очевидно, и отправленъ, тоже по Высочайшему повелѣнію, Барановъ.

ПИСЬМО ПОЛЬСКАГО ПАТРИОТА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Genua, 7 septembra, 1881.

Szanowny Panie Redaktorze!

Jestem z Królestwa Polskiego. Oddaliłem się z Warszawy z powodu wprowadzenia języka rossyjskiego do uniwersytetu, a nie osiedliłem się w Galicyi dla tego głównie, że już wtedy byłem przekonany o bliskiej koalicji Niemców ze Słowianami w sprawie wschodniej. Chwila ta coraz się staje bliższą. Zdaje mi się, że w wielu agitacjach, na przykład przeciw Izraelitom, widać wpływ księcia Bismarka, który wszystkich środków używa, żeby trzymać naszą wspólną ojczyznę w niemocy.

Chwalebne usiłowania Panów, dojścia prawnemi drogami do zmiany samowoli na rząd prawa nie powinno ich oślepiać co do ważności kwestyj politycznych międzynarodowych, a jedno i drugie o wiele będzie ułatwionem, jeżeli i my Panom pomożemy.

Mistyczne, a może interesowne wyobrażenie Napoleona III-go wprowadziło w życie publiczne Europy nowy przesąd, że państwo może tylko być wyrazem jednej narodowości, — jest może prawdziwem w państwie despotycznem. Wolność i rząd prawa umożliwia istnienie spokojne obok siebie wielu różnych ludów. W Szwajcaryi widzą panowie trzy narodowości spokojnie i patryotycznie obok siebie żyjące.

Ja i wielu przyjaciół moich nawet z udziału pruskiego jesteśmy gotowi wspólnie działać z Panami, ale na takich podstawach:

1. Jedność państwa. Można by przytem naśladować Austryę w zmianie tytułu na „Cesarstwo Rossyjsko-Polskie“. Prusy ani Austrya nie mogą się temu sprzeciwić.

2. Wolność i równouprawnienie wyznań. Przytem nam Polakom, mającym 10 proc. izraelitów na naszej ziemi, *) wprowadzenie stanu cywilnego, to jest: małżeństwa cywilnego.

3. W Parlamencie dwa języki, w szkole i w sądzie używanie jednego lub drugiego (a nawet litewskiego i małoruskiego) decyduje gmina. W uniwersytecie wolność języka nieograniczona tak, że moglibyśmy mieć profesorów Niemców lub Francuzów, jak i Małorusów lub Litwinów.

Czas bieży. Niemcy nie żartują. Jeżeli bym za długo na te zmiany czekał, to musiałbym przyjąć miejsce w Krakowie i z równą gorliwością pracować nad zesławianiem Austrii i zjednoczeniem politycznem pod berłem Habsburgów, jak teraz pod berłem Romanowych.

W Redakcyi znajdzie się ktoś przecie, który po polsku rozumie, mnie godność człowieka przeszkadza do panów po rusku pisać, ale znam ten język i mogę przyjmować listy rossyjskie od osób, które rozumnie chcą być wolnymi.

Życzliwy sługa

JÓZEF DESKUR.

*) Sz. autor niesłusznie zalicza do polskiej ziemi całą Galicyę, której wschodnia część, jak wiadomo, jest ukraińską czyli małoruską, a zatem nie polską (zob. etnograficzną kartę narodów wschodniej Europy, w V-tym tomie geografii Elis. Reclus).

Redakcyja.

Генуя, 7 сентября, 1881.

Уважаемый Господинъ Редакторъ!

Я изъ королевства польскаго. Удалился изъ Варшавы вслѣдствіе введенія русскаго языка въ университетъ, и не поселился въ Галиціи оттого, главнымъ образомъ, что уже тогда я былъ убѣжденъ въ близкой коалиціи пѣмцевъ со славянами въ вопросѣ восточномъ. Моментъ этотъ все болѣе и болѣе приближается. Кажется мнѣ, что во многихъ агитаціяхъ, напр. противъ евреевъ, видно вліяніе князя Бисмарка, который употребляетъ все средства для того, чтобы держать нашу общую родину въ безсиліи.

Похвальное Ваше стараніе достигнуть законными путями замѣны произвола правовымъ управленіемъ не должно Васъ ослѣплять относительно важности вопросовъ политическихъ, интернаціональных, а первое и послѣднее во многомъ будетъ облегчено, если и мы Вамъ поможемъ.

Мистическое и, пожалуй, интересное мнѣніе Наполеона III, введшее въ политическую жизнь Европы новое предубѣжденіе, что государство можетъ быть выраженіемъ только одной національности, — быть можетъ, истинно только въ государствахъ деспотическихъ. Свобода и правовое управленіе дѣластъ возможнымъ мирное существованіе бокъ о бокъ многихъ различныхъ народовъ. Въ Швейцаріи Вы видите три національности, мирно и патріотически бокъ о бокъ живущія.

Я и много друзей моихъ даже изъ прусской Польши готовы дѣйствовать сообща съ Вами, но на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Государственное единство. Можно бы при этомъ подражать Австрій относительно перемены названія на „Государство Русско-Польское“. Ни Пруссія, ни Австрія не могутъ этому противиться.

2. Свобода и равноправность вѣроисповѣданій. При этомъ намъ, полякамъ, имѣющимъ 10% евреевъ на нашей землѣ *), введеніе гражданскаго порядка, т. е. гражданскаго брака.

3. Въ парламентѣ два языка; въ школахъ и въ судѣ употребленіе того или другого (и даже литовскаго и малорусскаго) рѣшастъ община. Въ университетѣ неограниченная свобода языка, такъ что мы могли бы имѣть профессоровъ пѣмцевъ или французовъ, какъ и малороссовъ или литвиновъ.

Время летитъ. Нѣмцы не шутятъ: если бы я черезчуръ долго ожидалъ этихъ переменъ, то я долженъ былъ бы принять мѣсто въ Краковѣ и съ равнымъ усердіемъ работать надъ ослабленіемъ Австрій и политическимъ соединеніемъ подъ управленіемъ Габсбурговъ, какъ теперь подъ управленіемъ Романовыхъ.

Въ редакціи найдется, должно быть, кто нибудь, кто по польски понимаетъ, мнѣ челоѣческое достоинство пренятствуетъ писать Вамъ по русски, но я знаю этотъ языкъ и могу принимать русскія письма отъ лицъ, которыя разумно хотятъ быть свободными.

Доброжелательный слуга

Юсифъ Дескуръ.

*) Г. Авторъ несправедливо причисляетъ къ польской землѣ всю Галицію, которой восточная часть, какъ извѣстно, украинская или малорусская, слѣдовательно не польская. (см. этнографическую карту народовъ Восточной Европы, въ V т. географіи Елизе Реклю).

Редакція.